

она действует. Ведь надо помнить, что каждая вещь обладает, как уже отмечалось, своей особой любовью. Так, простые тела имеют порождаемую в них самих природой любовь к собственному месту, и потому земля всегда тяготеет вниз, к своему средоточию; огонь питает любовь к верхней окружности, опоясывающей небо Луны, и поэтому всегда к нему поднимается. Первые составные тела, как-то минералы, питают любовь к тому месту, где им предуказано родиться; по сему мы и видим, что магнит всегда получает свою силу по месту своего рождения. У растений, первых живых тел, любовь к определенному месту, соответствующему их природной организации, более очевидна: мы замечаем, что одни растения как бы ищут прибежища около воды, другие – на горных хребтах, третьи – на склонах и у подножий гор; если их пересадить, они либо вовсе погибают, либо живут захиревшие, как существа, оторванные от того, что им близко. Дикае звери питают любовь более явную не только к местам, но мы видим, что они любят и друг друга. Люди питают свойственную им любовь к предметам совершенным и чистым. А так как человек, хотя вся его форма представляет собою единую сущность, вмещает в себе благодаря своему благородству природу всех этих вещей, он может обладать и обладает всеми этими видами любви.

Дело в том, что согласно природе простого тела, преобладающей в субъекте, он естественно любит устремляться вниз; и потому он, когда передвигает свое тело вверх, больше утомляется. Согласно же вторичной природе тела составного он любит место и время своего возникновения; и потому каждый, естественно, обладает более сильным телом в том месте, где он родился, и во время своего рождения, нежели где-либо и когда-либо еще. Так, в рассказах о Геракле у великого Овидия, у Лукана и других поэтов мы читаем, что во время борьбы Геракла с гигантом по имени Антей всякий раз, как гигант утомлялся и ложился на землю, распростертый на ней либо по собственной воле, либо силой Геракула, в нем целиком воскресала сила и мощь земли, на которой и от которой он был рожден. Заметив это, Геракул наконец его схватил и, сдавив Антея и приподняв над землей, так долго продержал его, не давая ему снова прикоснуться к земле, что одолел и убил его. Как свидетельствуют писания, битва эта произошла в Африке.

Согласно же третьей природе человека, растительной, человеку присуща любовь к определенной пище, причем для него имеют значение не вкусовые ее качества, а ее питательность; такая пища делает человеческий организм в высшей степени совершенным в отличие от другой, делающей его несовершенным. В зависимости от пищи, которую они употребляют, люди становятся либо красивыми, стройными, цветущими, либо хилыми. Четвертой его природой, животной, то есть чувственной, обусловлена у человека другого рода любовь, основанная на чувственном *видении*, как у животных; и эта любовь в человеке особенно нуждается в руководстве из-за ее необузданных проявлений, прежде всего в удовольствиях, получаемых от вкуса и от осязания. Наконец, согласно его пятой и высшей природе – истинно человеческой или, лучше сказать, ангельской, то есть разумной, – человек питает любовь к истине и к добродетели; из этой любви и рождается истинная и совершенная дружба людей добродетельных, о которой говорит Философ в восьмой книге «Этики».

Коль скоро природа эта основывается на разуме, я и сказал, что Амор смущает своей речью мой разум, – сказал, чтобы дать понять, что имею в виду именно любовь, порождаемую этой благороднейшей природой, то есть любовь к истине и добродетели, и чтобы нельзя было заподозрить, будто любовь моя направлена на чувственные наслаждения. Далее я говорю об очаровании слов Амора, которые подтверждают постоянство и пылкость моей любви. И признаюсь, что очарование это «столь сильно», «что восхищенный разум мой смущен». И я говорю правду; ибо мысли мои, занятые этой госпожой, не раз готовы были увидеть в ней такое, что я переставал их понимать, и я смущался настолько, что казался растерянным, – как человек, который сначала ясно различает близкие предметы, затем, продолжая вглядываться в них, видит их менее ясно, а еще дальше начинает сомневаться, видит ли он их вообще; наконец он теряет зрительную связь с ними и уже ничего не видит.

В этом одна из причин непередаваемости того, что я решил передать; далее, я сообщаю о другой причине, когда говорю о словах Амора, а мысли мои и есть его слова, очарование которых «столь сильно», что душа моя, то есть моя страсть, горит желанием выразить его. Но, будучи не в силах сделать это, душа моя сокрушается, восклицая, что она